

ПОЭТИЧЕСКИЕ ГОЛОСА ЯПОНИИ

Перевод с японского
Евг. ВИНУКUROVA

ИСИКАВА ИЦУКО

Перед императорским дворцом

Вокруг императорского
дворца — ров.
В феврале этот ров
мрачен и бездонно холоден.
За рвом
густые, вечнозеленые
разнообразные деревья,
переросшие ограду.
Во дворце
обитает по-кошачьи сутулый
человек.
Он — символ,
как утверждает
конституция.
Нас дрессируют и дрессируют,
чтобы мы
считали естественным
дикое сочетание:
«Человек и Символ».

Что он сделал
для нас?
Может, он,
сейчас изящно размахивающий
шляпой
(раньше он носил только фуражку!)
на балконе своего средневекового
замка,

опять собирается
превратить нас
в армию автоматов,
недвижных и несмеющихся?

Пока мы, из-под развалин выгребая
кости наших старших сестер,
собирали дрова,
чтоб сварить похлебку,
в замке уже успели элегантно
произвести
переход от войны к миру.

Едва ли суть замка —
нежеланье войны!
Этот красивый ров,
в котором плавают
лебеди,
был построен
как военное сооруженье
и остался им и поныне.
Ведь это он два года назад,
помогая полиции,
остановил рабочих,
рвавшихся во дворец.
Символ,
а нас
к себе не пускает?
Символ —
а дубина!
Может,
он не наш символ,
а наш враг.

Вблизи дворца
под пронизывающим северным
ветром,
возвращаясь после поисков работы,
я жду трамвая,
и на душе у меня
отвратительно.

Неужели потому, что
увеличилось население,
нельзя найти работу?
Неужто жить —
это преступление?
Будь молод и крепок телом,
будь полон ненависти к этому рву,
с его холодом,
похожим на холод
театральной маски Но.

С той стороны,
где уже совсем стемнело,
несется набитый,
как бочка сельдями,
трамвай.
В нем и гнев,
и умиление,
и удивление,
и любовь.

Друзья,
давайте же,
бесцеремонно толкаясь,
поговорим о наших делах
тем языком, который
непонятен в замке —
там не знают,
что такое горе.

ЯМАДА ИМАДЗИ

Дождь

Дождь, дождь, дождь, дождь.
Дождь, дождь, дождь, дождь.
Дождь по нам хлясь, хлясь, хлясь,
Хлясь, хлясь, хлясь, хлясь,
Хлясь, хлясь, хлясь, хлясь,
Хлещет, смеясь, по нашей хибарке.
По нашей жизни — плюх, бьет трах-
тах.

По крыше, изъеденной — крах-
бом — ржавчиной,
Без отдыха усердно стучит.
Льет, льет, льет, льет,
Льет, льет, льет, льет,
Дождь хлясь, хлясь, хлясь,
Хлясь, хлясь, хлясь, хлясь,
Вновь и вновь,
Так что ударяет в уши и в сердце.
Бьет по нашей жизни.

ИНОУЭ ТОСИО

Шелуха

от семян репы

В шелуху,
оставшуюся после просеивания,
попали драгоценные семена репы.
Старая крестьянка
выбирает их так,
чтобы ни одного семени
в шелухе не осталось...
Она поднимает горсти семян
над головой,
руки ее взлетают к небу
и сыплют семена,

а ветер относит шелуху в сторону.
Перед тем как уйти домой,
крестьянка собирает шелуху
в кучу и сжигает ее.

Когда на поля моей родины
спускается тьма,
там и сям по полю
горят кучки шелухи,
как бы переговариваясь
между собою.

Взлетающий вверх огонь
окрашивает сухую землю
в красный и черный цвет.

Нет ли еще чего-нибудь,
что надо было бы сжечь?

ИВАМОТО СЮДЗО

Любовь

Я ходил к любимой садовой тропой
тогда, когда распускались цветы.

Будущее

Вдоль улицы
бежала темная песня.
Мальчик вскочил

Всякий раз, когда я шел
мимо них,
они то краснели,
то желтели
и вдруг однажды наконец
воспламенились!

А потом осыпались,
но дали завязь.
А любовь моя погибла.

на эту песню
и облетел на ней всю вселенную.

А мимо меня,
безвестные,
мелькали и мелькали дни,
и вот
я — дряхлый старик.

КУРОДА САБУРО

Я стал совсем другим

Я стал совсем другим.
Правда, на мне тот же галстук,
что и вчера.
Как и вчера, я беден.
Как и вчера,
я ни на что не годен.

И все же я совсем другой.
Правда, я одет так же, как вчера,

как и вчера, пью сакэ,
как и вчера,
живу нелепой жизнью.

О!
Когда я, напряженно шурясь и
кривя губы,
улыбаюсь, ухмыляюсь,
беспричинно смеюсь
и, наконец, закрываю глаза,
я вижу,
что во мне живет
прекрасная бабочка,
летающая в завтрашний день.

ОТА ТЭМПЭЙ

След самолета

Внезапно кто-то
поцарапал голубое небо.
Полотно майского неба
с треском рвется
от головокружительного
виража
указательной стрелки
из дюрала.

Так обжигает ссадина,
вызывая дрожь ужаса

у молоденьких девушек.
Карта мира
вся в белых пятнах,
это пустоты
от прорванного
космического целлофана.
Тень войны
тянет
скрюченные когтистые
пальцы,
оставляя реальные
кровавые следы.
Перед моими глазами
мельтешит бельмо.

Извещение о переезде

Я в своем уме
построил деревянный дом
и запер в нем
любимую.

В самом центре,
на главной улице,
в своем уме,
чтоб удобно было
время от времени,
постучавшись,
войти к ней и поболтать
о том, о сем.

Однажды утром
в начале зимы

я перестал стучаться,
входя к ней,—
я отбросил
ставшую уже излишней
церемонность.

Я сажусь рядом с любимой
и пью кофе,
потому что, когда бы я ни пришел
и сколько бы ни сидел,
она настаивала,
чтобы я был серьезен.

И я решил —
переедем в новый дом
весной,
когда зацветет вишня.

Деревянный дом
моей мечты
в центре,
на главной улице.

КИДЗИМА ХАДЗИМЭ

Голубь

Подобны пыли в пустыне
мои опасения!
Наконец-то голубь
дал нам почувствовать
частоту биения своего сердца.
Наша кровь бежит

толчками по ладони
к кончикам пальцев,
Так же быстро, как взмахи
его крыльев.
Мы осязаемо, мы грудью чувствуем
его красоту,
как будто бы встретились
с возлюбленной,
с которой только сейчас
расстались.
Клянемся! С пути
голубь не свернет никогда.

Хозяйка

Когда спускаются сумерки,
женщины, как муравьи,
выходят из своих домов.

У каждой из них в руке
сумка, сплетенная из соломы.
Они как лисицы,
вышедшие на охоту.
Вот они, как их много!

Они ходят
из магазина в магазин.
Они берут руками с прилавков
разные товары.
В лавке, где свежая рыба,
они жадно втягивают воздух,
мысленно

сравнивая тяжесть того,
что лежит на весах,
с тяжестью своих кошельков.

Они отгоняют прочь слезы.
Они укачивают младенцев,
привязанных за спиной,
ташат за руки малышей,
что плетутся рядом.

Они гораздо сильнее
трудностей,
которых много
в глубине маленькой страны,
зovuшейся Японией.

Они — наши жены,
они не слепы, не глухи
и не немые.

